ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Утреннее заседание 27 января

вопросы по линии хищений между учреждениями Свердловск-Пермь-Москва—Свердловск-Серпуховская в марте и апреле 1938 года, а также крушение на стрелке Москва в сентябре 1935 года.

Допрос подсудимого Ратайчака

Тов. Вышинский задает подсудимому Ратайчаку ряд вопросов, имеющих непосредственно к материалам его биографии. Он отвечает на вопросы—правда. В анкетах Ратайчак лживо приписывал себе революционные заслуги с 1918 года.

Вышинский: В ваших показаниях на следствии вы дали такой ответ: «Я желал приписать себе несуществующие в действительности революционные заслуги». Правильно?

Ратайчак: Правильно.

Вовлеченный в троцкистскую организацию Пятаковым, показывает далее Ратайчак, он, будучи начальником Главного управления химической промышленности, начал активную контрреволюционную работу с вредительства в плане строительства 1934 года. Он связывается с агентами германской разведки, передает им секретные сведения о работе химической промышленности сам непосредственно и через подчиненных ему Граше и Пушина.

Вышинский: В чем выражалась ваша диверсионная работа?

Ратайчак: По моей директиве, переданной Пушину, было совершено 3 аварии—диверсии на Горловском заводе, одна—на Невском заводе и одна—на Воскресенском химическом комбинате. На Горловском заводе один цех и завод в целом на несколько дней вышли из строя. Погибли трое рабочих.

Вышинский: Вам известны их имена?

Ратайчак: Забыл.

Вышинский: Я вам напомню. Курица Леонид Федорович, 30 лет, комсомолец, ударник, сталевар; Мотин Николай Иванович, сварщик, Стрельникова Прасковья Егоровна, 32 лет, фальцовщица. Кто их убил?

Ратайчак: Мы.

Вышинский: Вы—начальник Главного управления химической промышленности? (Ратайчак молчит).

Дальше Ратайчак показывает, что при взрыве в отделении воздушных кабин на Горловском заводе одна из воздушных кабин вышла из строя. Погибли ударник, лучший аппаратчик цеха Лунев и студент последнего курса Томского политехнического института Юдин, работавший на производственной практике.

Вышинский: На Воскресенском химическом комбинате была произведена диверсия по вашему заданию?

Ратайчак: Да.

В результате допроса тов. Вышинский устанавливает, что на Воскресенском химкомбинате были две диверсии.

Вышинский: А бывал так, что после пожара вы велели немедленно приступить к расчистке, хотя это было связано с опасностью для жизни рабочих?

Ратайчак: Потребовал, да.

Вышинский: И было убито 17 рабочих?

Ратайчак: Верно.

Вышинский: И 15 ранено?

Ратайчак: Верно.

Вечернее заседание 27 января

Допрос подсудимого Граше

После ряда вопросов защитника тов. Боголепова и государственного обвинителя тов. Вышинского к следствию Ратайчак суд переходит к допросу обвиняемого Граше.

Вышинский: Когда вы приехали в Россию в первый раз и откуда?

Граше: В 1909 году из Чехии.

Вышинский: В какой город?

Граше: В город Бийск, Бубновской области.

Вышинский: Подданным какого государства вы были в то время?

Граше: Подданным Австро-Венгрии.

Вышинский: Чем вы занимались?

Граше: Приехал в качестве учителя французского, впоследствии немецкого языков. Имел уроки в Бийске в реальном училище и частные уроки. В Бийске я пробыл до конца 1917 года. В мае 1917 года я там вступил в большевистскую партию.

Вышинский: Вы тогда считали себя гражданином какого государства?

Граше: Я считал себя русским гражданином.

Вышинский: А в 1919 году?

Граше: В 1919 году я считал себя чехословаком. В 1919 году я уехал из Чехословакии.

Вышинский: А вернулись?

Граше: И оттуда вернулся под видом бывшего русского военнопленного.

Вышинский: В каком году это было?

Граше: В конце 1920 года или в начале 1921 года.

Вышинский: Почему в трудовой книжке у вас написано место рождения—Бубнинская область? Правильно, что вы родились в Бубновской области?

Граше: Нет.

Вышинский: А время рождения какое?

Граше: 1886 год.

Вышинский: А почему в паспорте записано 1880? С ваших слов?

Граше: Да.

Вышинский: Ваша основная профессия?

Граше: Я был учителем 7—8 лет. В чешском документе—учитель.

Вышинский: А в русском документе: журналист?

Граше: Да.

Вышинский: Значит, профессия тоже не сходится?

Граше: (Молчит).

Вышинский: Как вы сделались агентом разведки? Какой разведки? В каком году?

Граше: Германской разведки в 1932 году.

Вышинский: Я вам ставлю прямой вопрос: в 1920 году вы приехали в СССР со шпионскими целями?

Граше: Да, совершенно верно. (Движение в зале).

Вышинский: Вот теперь все ясно, а до 1932 года с какой разведкой вы были связаны?

Граше: С чехословацкой разведкой.

Вышинский: Теперь видно, что у вас есть другая профессия? Какая?

Граше: Шпион.

Вышинский: Вот и все. С кем вы были связаны непосредственно из германской разведки?

Граше: Из германской разведки я был связан с Мейеровицем, о котором здесь уже упоминали.

Подсудимому Граше предъявляется фотоснимок. Граше просматривает фотоснимки и на одной из карточек узнает Мейеровица! На другом снимке подсудимый опознает другого известного ему человека.

Вышинский: Кто он был такой?

Граше: Я чаще называл монтера фирмы «Литцес»—Лепца.

Вышинский: Это что за личность такая? Вы с ним были связаны?

Граше: Это тоже агент германской контрразведки. Я его устроил на Тамбовский завод «Комсомолец».

Вышинский: В качестве кого?

Граше: Я его туда устраивал по поручению Мейеровица, как одного из агентов германской разведки, для собирания шпионской информации и для диверсионной работы.

Вышинский: А вы что делали?

Граше: У меня случаи или вообще? Если вообще, то я тоже должен был собирать материал для Мейеровица.

Вышинский: Вы собирали?

Граше: Передавал тот материал, который получал от различных, работавших на заводах под видом иностранных специалистов германских шпионов.

Вышинский: А с другой стороны?

Граше: От Ратайчака.

Вышинский: Вы с Ратайчаком связаны были как троцкист или как разведчик?

Граше: Я был связан, как разведчик. У меня, как у шпиона, не создается быть убеждения. (Смех в зале).

Вышинский: Вы что же, получали деньги за это?

Граше: Да, от Мейеровица получал. Один раз получил от него 300 марок. Он уверял, что еще послал по установленному адресу 500 марок.

Вышинский: Не посылал ли он деньги вашим родным?

Граше: Да, моя мать в Чехословакии получала переводы тысяч 7—8 чехословацких крон.

Вышинский: В Москве у вас была связь с троцкистами?

Граше: С инженером Винфельдом.

Вышинский: И еще?

Граше: Потом Лурье и Лидьсен.

Граше показывает, что в Москве в 1936 году у него была конспиративная квартира, куда приходили законспирированные троцкисты, в частности того же инженера Винфельда.

Граше устроил также встречу Мейеровица с Ратайчаком в кабинете Ратайчака.

Вышинский: Участвовали ли вы в каких-нибудь диверсионных актах?

Граше: Я сам лично не участвовал, но мне известно, что один из германских специалистов—Вайсе—является организатором, начальником аварии на Горловском химкомбинате.

Вышинский: Почему это вам известно?

Граше: Я знаю, что после всего этого он вернулся в Москву чрезвычайно взволнованный и просил меня возможно быстрее направить его за границу.

Вышинский: И вы это сделали?

Граше: Я это сделал.

Председательствующий: Суд установил, что фотоснимок гражданина, в котором подсудимый Граше опознал Мейеровица, относится изъятию фотосъемку, имеющуюся в вещдоказательстве производства иностранного отделения административного отдела президиума Мособлисполкома, в фотоснимку, имеющемуся на удостоверении.

Допрос подсудимого Пушина

Вышинский: В чем вы себя признаете виновным?

Пушин: Признаю себя виновным в том, что, будучи завербован в начале 1934 года Ратайчаком в контрреволюционную троцкистскую организацию, состоял в ней до ареста моего, и по директивам, получаемым мною от Ратайчака, совершил три диверсионных акта на Горловском заводе, принимал участие во вредительской работе, которая велась по проектированию, и, наконец, по поручению того же Ратайчака передал германскому разведчику монтеру Лепцу 3 секретных документа.

Вышинский: Кого из перечисленных вами подрывной работы людей вы можете назвать?

Пушин: Технический директор Горловского химического завода инженер Тамм.

Защитник Коммодов: Вы ошиблись на допросе или написали собственноручное заявление?

Пушин: Прежде чем мне были пред'явлены улики и поставлен ряд вопросов, я попросил бумагу и перо и написал на имя наркома внутренних дел Ежова заявление, в котором признался во всех своих преступлениях.

Вышинский: Вы сколько времени исполняли обязанности осведомителя германской разведки?

Пушин: С конца 1934 года или с начала 1935 года до середины 1935 года.

Вышинский: Что же потом вам помешало?

Пушин: Не было никаких практических поручений, тип так лицо, с которым я был связан, Лепц, выехало.

Вышинский: Значит, вы прекратили вашу деятельность не потому, что у вас были угрызения совести, а потому, что не было практических предложений?

Пушин: Да.

Вышинский: Заявление на имя тов. Ежова вы подали не до ареста, а уже после ареста?

Пушин: Да.

Допрос свидетеля Тамма

Вышинский: Каким образом вы узнали о преступной деятельности Пушина?

Тамм: Мною с Пушиным велся ряд антисоветских разговоров. В одну из моих поездок в Москву—это было в феврале 1934 года—я по заводским делам был у него в Главхимпроме, и там он мне сделал конкретное предложение о том, что нужно заняться диверсионной деятельностью. Я согласился.

Вышинский: Как вы считаете: можно думать, что весь 1935 год Пушин стоял на диверсионной позиции.

Тамм: Полагаю, что да.

Вышинский: Диверсионные акты по поручению Пушина были осуществляемы под вашим непосредственным руководством?

Тамм: Да.

Вышинский: Кто осуществлял?

Тамм: Осуществляли Ассиновский, Хазелов, Драч, Крушельницкий.

Председательствующий: Допрос подсудимых закончен. Допрос свидетелей тоже закончен. Дополнительных вопросов нет?

Вышинский: У меня есть вопросы к Пятакову. Подсудимый Пятаков, вы летали на аэроплане в Норвегию для встречи с Троцким. Вы по знаете, на каком аэродроме вы снижались?

Пятаков: Около Осло.

Вышинский: Никаких не встречалось затруднений при спуске или при подъеме аэроплана на этот аэродром?

Пятаков: Право, я не могу сказать. Я был возбужден необычностью поездки и не обращал на это внимания.

По просьбе тов. Вышинского суд приобщает к делу отношение консульского отдела Народного Комиссариата Иностранных дел на имя Прокурора СССР о том, что, согласно полученной подпредседателем СССР в Норвегии официальной справке, аэродром в Хеллере, около Осло, принимает круглый год, согласно международных правил, аэропланы других стран, и что прилет и отлет аэропланов возможны и в зимние месяцы.

Вышинский: Подсудимый Радек, скажите: к вам на дачу под Москвой приезжало некое лицо?

Радек. Как я уже показывал, летом 1935 года меня посетил тот же самый дипломатический представитель средне-европейской страны, который предпринял первый зондаж в разговоре со мной в 1934 году.

Вышинский: Он приезжал и беседовал с вами в чьем-нибудь присутствии или с глазу на глаз?

Радек: Нет, у меня был тогда Бухарин. Под'ехал автомобиль, и я увидел этого мне известного г-на и кроме того двух неизвестных. Он начал об'яснять свой приезд тем, что приехавшие с ним профессор кенигсбергского университета и секретарь одного из руководителей одной из провинций этой страны должны для меня представлять интерес с той стороны, что Кенигсберг иначе относится к России, чем, скажем, Розенберг, что Пруссия боится Польши, не доверяет ей, поэтому она больше заинтересована в активном отношении к СССР.

Я выслушал это его вступление, и так как у нас было решено на в какие переговоры с этими представителями здесь не вступать, кроме как в сообщенной уже дачи визы на мандат Троцкому, то эти представители, видя, что в дальнейшие разговоры, мы, понятно, вступать не хотим, уехали.

Это посещение имело дальнейшие последствия. Дипломатический агент или не мог понять, почему он был так принят, или те лица, которые стояли за ним, хотели проверить, что это означает, не произошли ли тут какие-нибудь изменения в отношениях блока к этой стране. И через несколько месяцев, приблизительно в ноябре 1935 года, на одном из очередных дипломатических приемов подошел ко мне военный представитель этой страны и начал жаловаться на ухудшение атмосферы между обеими странами. После первых его слов он сказал, что во времена г-на Троцкого между армиями обеих стран существовали лучшие отношения. В дальнейшем он сказал, что Троцкий остался верен своим старым взглядам на необходимость советско-немецкой дружбы. Он начал намекать на меня, как на приходившего ранее рассказывать лично. Я ему на это ответил, что реальные политики в СССР знают значение советско-немецкой дружбы и готовы идти на уступки, необходимые для обеспечения этой дружбы. Он мне ответил, что надо было бы, наконец, когда-нибудь собраться совместно поговорить подробно и конкретно о путях сближения.

Я сказал ему, что когда будет соответствующая обстановка, я охотно проведу с ним вечер.

Вышинский: Был ли у вас разговор с Пятаковым или с кем-нибудь иным о сроках приближения возможной войны?

Отвечая на этот вопрос государственного обвинителя, Радек показывает, что Пятаков по возвращении из Осло сообщил ему о следующей установке Троцкого: говорил о предстоящей войне. Троцкий, ссылаясь на разговор с Гессом и другими официозными лицами Германии, сказал, что война предстоит в 1937 году, что Германия закончила военную подготовку 1936 год нужен ей для дипломатического обеспечения успеха: во-первых, для обеспечения английского нейтралитета, во-вторых, для спора с Францией или для того, чтобы, опираясь на нарастающее фашистское движение, которое осилит демократическое правительство Франции, сбросить Францию из строя коротким ударом, чтобы концентрированными силами затем ударить по СССР.

Вышинский (к Пятакову): Это вы говорили? Подтверждаете это?

Пятаков: Да, Радек очень точно передает. Все совершенно правильно. Вслед за этим председательствующий тов. Ульрих обращается к экспертам, готовы ли они дать заключение по поставленным судом вопросам.

Эксперты тт. Мошкович, Лежуе и Покровский дают свои заключения по вопросам, связанным с преступной диверсионно-вредительской деятельностью подсудимых Ворсина и Дробиса на Кемеровом-машстрое; подсудимых Шестова и Сергеева и Кузбассуголе и подсудимых Ратайчака и Пушина на Горловском азотнотуковом заводе.

Экспертиза подтвердила наличие целого ряда аварий, имевших место на этих предприятиях, и установила большой ущерб, нанесенный советскому государству вредительскими действиями и диверсионными актами подсудимых.

После заключения экспертизы председательствующий об'являет:

— Дальнейшее заседание будет проходить, на основании статьи 19-й Уголовно-Процессуального кодекса, при закрытых дверях.

Об'явлен перерыв до 28 января.

УНИЧТОЖИТЬ БЕШЕНЫХ ПСОВ ФАШИЗМА— ТАКОВА НЕПРЕКЛОННАЯ ВОЛЯ НАРОДА

СТАРОЕ НИКОГДА НЕ ВЕРНЕТСЯ

ВЕРХНЯЯ ЛОБАЖ. На предприятиях, в учреждениях и колхозах проходят многолюдные собрания и митинги, посвященные разгрому антисоветского троцкистского центра.

Колхозники и колхозницы сельскохозяйственной артели «Знает Ильича» вчера собрались на митинг. Когда был зачитан материал о Пятакове, Радеке, Сокольникове, Серебрякове и других фашистских бандитах, колхозник тов. Ушаков Василий Кузьмич попросил слова.

— Они ненавидят пролетарский родине, — сказал он, — и хотели отдать на расправу фашистским палачам наш великий советский народ. Эти гады добирались до самых границ дел, стали на путь контрреволюции, шпионажа, вредительства, террора. Чудовищны их преступления. Они хотели отдать у нас все, что было завоевано в упорной борьбе с эксплоататорами, и снова вернуть власть капиталистам, помещикам и кулакам. Но этому не быть. Старое никогда не вернется. Позорная гадина должна быть раздавлена.

Выступившие вслед за ним колхозники тт. Воробьев, Шебалин говорили о том, что приговор над бандой троцкистов должен быть самым беспощадным. К этому присоединились все, участвовавшие на митинге.

На многолюдном митинге в артели «Пролетарское дело» колхозник тов. Аникин Илья Иванович закончил свое выступление словами:

— Фашистским зверям не должно быть пощады.

Митинг постановил: просить военную коллегию Верховного суда применить ко всем обвиняемым самую суровую кару.

Смерть им!

Коллектив курского паровозного завода охвачен чувством великого гнева против бандитов антисоветского троцкистского центра—гнусных предателей Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и их кровавых пособников.

Директор завода Клещицкий и кузнец Грищенко, сталевар-электромонтер Морозов и техник Мясоедов, слесарь-водопроводчик Бугаков, старый зольщик Озатов, проработавший на этом заводе свыше 30 лет, и комсомолец Шейдман на общезаводском митинге в один голос заявили:

— Никакой пощады! Стереть подлых гадов с лица земли!

— Троцкистско-фашистские шпионы обрекали нас на гибель, готовились обрезать жизнь наших вождей, убили родного товарища **Кирова**, пытались вернуть нашу страну к капиталистическому рабству!— говорит стахановка отделочного цеха тов. Васильева.—Жалкие попытки! Никто не в силах остановить победоносного строительства коммунизма в нашей стране. А этих предателей родины пролетарский суд сурово покарает. Смерть им!

Участники митинга единогласно приняли решение:

«Просим пролетарский суд приговорить участников антисоветского троцкистского центра к расстрелу! В ответ на гнусные посягательства врагов социализма усилим революционную бдительность, перевыполним производственную программу 1937 года, повысим качество продукции нашего завода. Еще теснее сплотимся вокруг партии и **Сталина**».

Мы грудью защитим родину

ЛИВНЫ. **(По телефону от нашего корреспондента).** Возмущение охватило народные массы, как только они узнали о преступлениях изменников родины—Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и др.

На предприятиях города, в колхозах состоялись многолюдные митинги, на которых зачитывались обвинительное заключение.

— Враги народа метили в сердце партии, они готовили покушение на великого **Сталина** и его соратников. Но это им не удалось и никогда не удастся. Мы грудью своей сумеем защитить нашу великую родину,—так заявила колхозница Защипина из сельхозартели имени III Интернационала.

— В нашей стахановской работе выражается горячая любовь к партии и к нашему любимому **Сталину**. Какими словами можно рассказать о возмущении, наполняющем наши сердца, когда мы узнали, что кучка подлых изменников готовила покушение на нашего родного вождя.

Колхозники в принятом решении заявили: надо до конца уничтожить оперативную базу, нам еще больше повысить свою революционную бдительность.

Мы воедино сплоены с коммунистической партией

КОЛПНА. В связи с процессом над участниками антисоветского троцкистского центра в районе проходят митинги и собрания.

В резолюции районного партийного собрания говорится: «Предатели, шпионы, изменники родины, агенты фашизма—Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и их сообщники должны понести такое же наказание, какое получили Зиновьев, Каменев и другие предатели.

Колхозник Тенетин из сельхозартели «Борец за свободу», выступая на собрании, заявил:

— Даже страшно подумать, что собирались сделать эти собаки. Они ведь хотели вернуть в деревню помещика и кулака-кулака, они хотели лишить нас плодов колхозного изобилия, отнять у нас свободную жизнь. Но это им не удалось и никогда не удастся. То, что завоевано трудящимися и записано в Сталинской Конституции, — завоевано навечно. Мы, колхозники, воедино сплоены с коммунистической партией и любимым вождем товарищем Сталиным. Наше требование перед судом—расстрелять агентов фашизма, как обезумившихся собак.

Все колхозники поддержали выступление тов. Тенетина дружными аплодисментами.

Не отнять у нас прекрасной жизни

(С МИТИНГА НА КУРСКОМ СПИРТОВОДОЧНОМ ЗАВОДЕ)

Многодневный митинг. В самое сердце ударяют, обжигают слова докладчика.

—...антисоветский троцкистский центр готовил военное нападение на Советский Союз Германии и Японии; он продавал советскую Украину—Германии, советское Приморье и Приамурье — Японии; стремился обезглавить нашу страну, нашу партию—убить руководителей ВКП(б) и правительства.

Для осуществления этих целей подлейшие враги народа договаривались с фашистами Германии, империалистами Японии; взрывали шахты, заводы, цеги, устраивали крушения воинских поездов. Подлейшие реставраторы капитализма в СССР пролили много крови.

Вот что замышляли и делали антисоветский троцкистский центр...

И как только прозвучало докладчик последнее слово, работница Матвеенко Александра истерзанно крикнула:

— Мне стыдно!

Волнуясь от глубокой ненависти к врагам советского народа, тов. Матвеенко заявила:

— Они убили нашего лучшего друга Сергея Мироновича Кирова; они устроили катастрофу автомобиля, на котором ехал товарищ Молотов; они хотели отнять у нас самое лучшее—любимого товарища Сталина.... За все это я требую от Верховного Суда—расстрелять врагов социализма!

Вслед за Матвеенко выступают товарищи Бондарь—герой труда, Фролов, Шишкин, Колтунова, Зайцев, Мерзликина и другие. Все они горячо говорят о своей любви к великой родине, дорогому вождю товарищу Сталину.

— Мы построили самую прекрасную жизнь на земле. И этим ли подлейшим из подлых, презреннейшим из презренных бакиным являются Пятаков, Радек, Сокольников и другие, вырвать из наших рук нашу жизнь, наше счастье.—Никогда!

Потом выступил секретарь парткома тов. Слащев. Свою речь он закончил такими словами под общее одобрение всех участников митинга:

— Не владеть врагам страной Советов! Не владеть никогда! А шпионов-диверсантов—агентов германского фашизма мы требуем—расстрелять!

Это требование и записали в резолюции.

ТОВАРИЩ КАШЕН О ПРОЦЕССЕ

ПАРИЖ, 27. «Юманите» печатает статью Башена о процессе антисоветского троцкистского центра. Кашен отмечает прежде всего, что троцкистам на суде предоставлены все необходимые гарантии защиты. Далее Кашен подчеркивает, что подсудимые признали пред'явленные им обвинения в чудовищных преступлениях против Советского Союза. «Все это,—пишет Кашен,—мы слышали собственными ушами. Перед лицом очевидных фактов не найдется ни во Франции, ни где-либо в другой стране честного человека, который мог бы защищать людей, повинных в столь отвратительных преступлениях».